

**ТВЕРСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИСТОРИКО-
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И РЕСТАВРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР**

**ТВЕРЬ, ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ
И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

ВЫПУСК 4

**ТВЕРЬ
2002**

В.Н. Седых

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ НА ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вклад скандинавов в формирование материальной и духовной культуры Северной и, шире, Древней Руси – общепризнан. В литературе достаточно обоснованно разработана периодизация этапов развития русско-скандинавских отношений [1], начиная с первых контактов в сер. VIII в., фиксируемых в материалах Ладоги, до XIII столетия, характеризующегося внешнеполитическими столкновениями феодальных государств. Ранние контакты происходили, прежде всего, в дружинной среде и засвидетельствованы погребальными памятниками Ладоги, Гнездова, Тимерева и Киева. Археологические материалы фиксируют скандинавов и их семьи в числе постоянных обитателей торгово-ремесленных и военно-административных центров Руси. Происходивший в них торговый и торгово-ремесленный обмен включал в себя различные виды продукции: керамику, ремесленный инструментарий, украшения, оружие и пр. Обмен на этом уровне начинается уже в сер. VIII в., достигая максимума к сер. X века. При этом различаются уровни трансляции культурных достижений, имевшей конечной целью взаимовлияния и взаимообогащения культур Древней Руси и ее непосредственных соседей – стран Прибалтики и Скандинавии. В то же время необходимо отметить, что большинство технико-технологических заимствований, фиксируемых на открытых торгово-ремесленных поселениях (ОТРП) и в древнерусских городах, было следствием непосредственного общения русских ремесленников и купцов с живыми носителями иных культурных традиций. Результатом таких контактов являются, например, известные уже в значительном числе находки «вещей-гибридов», представляющих собой орнаментально и конструктивно сплав мотивов и элементов Севера, Запада и Востока.

На всех «восточноевропейских виках» IX-X вв. найдены клады восточного серебра, предметы общепольского круга древностей и скандинавского происхождения. Одной из интереснейших категорий находок, отражающих повседневную, бытовую сторону жизни выходцев из Скандинавии, является посуда. Мне импонирует мнение норвежской исследовательницы Анны Стальсберг, высказанное ею в одном из докладов, было сводится к тому, что скандинавы эпохи викингов «положили в могилы будние дни, а не праздники, как в раннем железном веке». В настоящее время среди разнообразной посуды комплексов, определяемых как скандинавские, к последним однозначно могут быть отнесены глиняные сосуды определенной формы и сосуды из жировика. Единственная известная находка сосуда из *стеатита* (*жировика*), происходящая с Гнездовского поселения [2, с.288, рис.2:4], является своеобразным «норвежским вкладом» в формирование набора посуды Руси эпохи викингов.

Отличительной особенностью выявленных скандинавских керамических сосудов является загнутый внутрь округлый венчик [3, с.194, 246, рис.49:16-17]. Этот признак дал основание некоторым исследователям (см., например, [4, с.95]) найти аналогии таким сосудам в культурах других эпох и территорий и тем самым поставить под сомнение скандинавскую принадлежность рассматриваемой группы сосудов. Сразу хотелось бы отметить, что речь идет о сосудах *определенных пропорций*, происходящих из комплексов *определенного времени и определенного круга памятников*.

Впервые сосуды этого облика были обнаружены в комплексе из трех ям – построек с амбаром на столбе, открытых в 1976 г. при исследовании *Тимеревского поселения*. По мнению С.В. Томсинского, этот комплекс связан с североевропейской домостроительной традицией [5, с.122]. Из комплекса происходят различные бытовые вещи – замок, ключ, нож, пряслице, костяная проколка, железная стамеска, несколько глиняных грузил от вертикального ткацкого станка, в том числе орнаментированных, бронзовые и железные предметы и две четвертинки (по одной в каждой из ям – построек) дирхемов, чеканенных в 945/46 и в 954-961 гг. (определения И.Г. Добровольского). Датируется комплекс сер. - 3-й четв. X в. [6; 7]. В керамическом наборе Тимеревского поселения этот тип посуды представлен двумя вариантами [3]: *вариант А* – горшки округлых форм, диаметр дна примерно равен диаметру венчика, максимальный диаметр превышает высоту сосуда, орнамент отсутствует; *вариант Б* – в отличие от сосудов варианта А имеет чуть выделенные плечики, максимальный диаметр примерно в полтора раза превышает высоту сосуда, орнамент отсутствует (рис.1). В первой публикации керамических материалов Тимеревского поселения [8] было отмечено, что аналогии сосудам варианта А с синхронных памятников тогдашнего СССР нам не известны. Позднее, в период подготовки работы по керамическому производству Ярославского Поволжья IX-XIII вв. такие сосуды были выявлены в материалах ярославских могильников и других памятников Древней Руси.

На Тимеревском поселении фрагменты сосудов обоих вариантов типа 9 (по нашей классификации) встречены в пахотном слое памятника; комплексы построек с ними датируются *X веком в целом*. Частой находкой в них являются костяные орнаментированные составные гребни, пряслица, проколки, кочедыки и пр., а также *глиняные грузила от вертикального ткацкого станка*, которые служат достаточно четким индикатором скандинавского

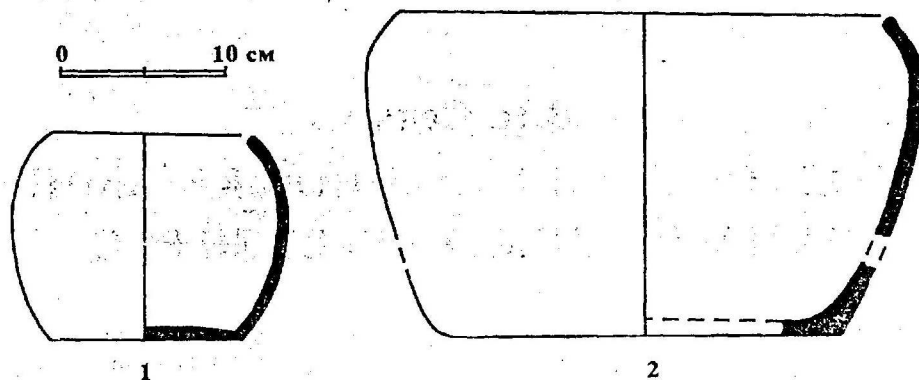

Рис. 1. Лепные сосуды Тимеревского поселения (тип 9): 1 – вариант А; 2 – вариант Б

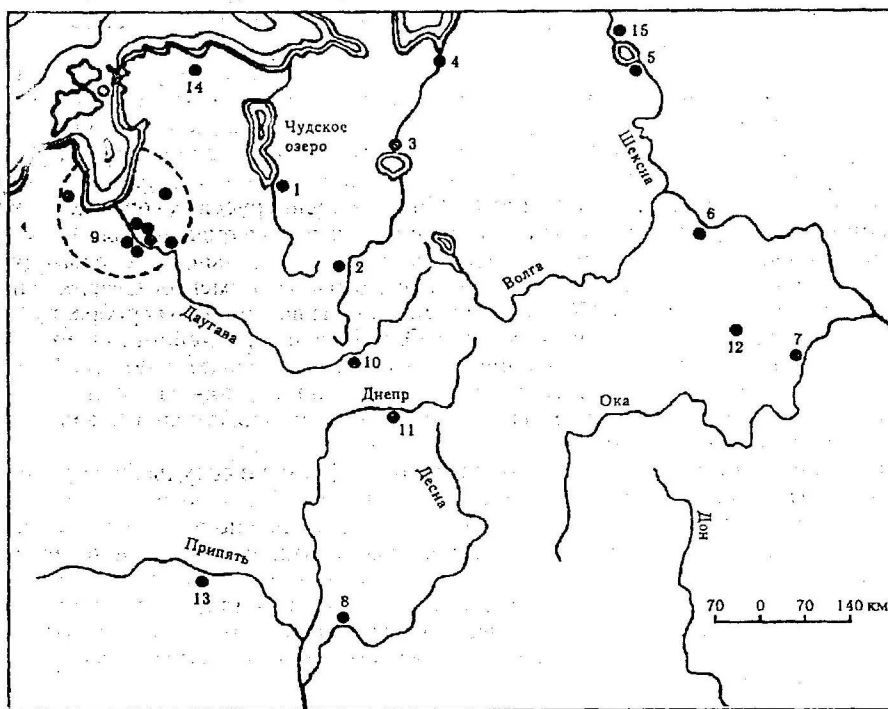

Рис. 2. Карта распространения находок дисков от вертикального ткацкого станка:
 1 – Псков; 2 – Городок на Ловати; 3 – Новгородское (Рюриково) городище и Новгород; 4 – Ладога;
 5 – Белосзеро; 6 – Тимерево; 7 – Тумовское селище; 8 – Шестовицы; 9 – бассейн нижнего течения Даугавы;
 10 – Витебск; 11 – Гнездово; 12 – Суздаль; 13 – городище «Бесова гора»; 14 – селище Пада (Эстония);
 15 – селище Никольское V на р. Кема

компонента в материалах памятников – перечень памятников подтверждает это [9, с.56-60] (рис.2). Этот тип посуды представлен и среди миниатюрных сосудов керамического набора Тимерева (например, комплекс № 9 раскопок 1976 г.).

В материалах могильника сосуды типа 9 представлены, главным образом, в погребениях по обряду трупосождения, совершенных на подсыпке на месте сооружения кургана с использованием деревянных конструкций, а также при труположениях, в т.ч. в камерных могилах. Они входили в состав погребального инвентаря, а также использовались в качестве урн, в т.ч. обложенных камнями и накрытых камнем (например, курган № 263-II) или массивной железной пластиной (курган № 202). Захоронения сопровождалась кальцинированными костями животных (лошадь, корова, баран, собака) и необожженными скелетами или отдельными костями курицы – обычными атрибутами скандинавских погребений Фенноскандии.

Необходимо отметить более грубую лепку и крупный отощитель в плотном тесте сосудов из могильника. Наличие целых форм сосудов в материалах некрополя позволяет обозначить внутри типа варианты: сосуды с чуть выделенными плечиками и сосуды с едва отогнутым краем, – иногда сочетающие в себе эти признаки, например, из погребения в камере кургана № 284 (рис.3). При этом максимальный диаметр сосудов во всех случаях превышает его высоту, а диаметр дна приблизительно равен диаметру венчика или незначительно меньше. Орнамент практически отсутствует – в двух случаях зафиксированы пальцевые вдавления под венчиком сосуда.

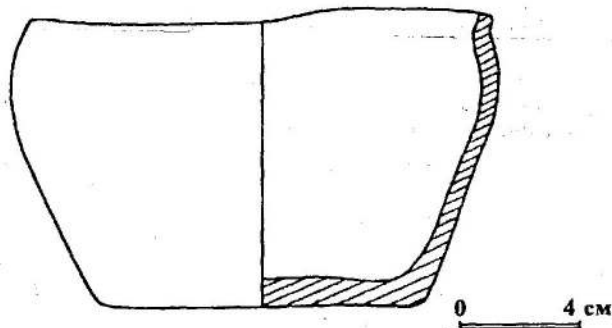

Рис. 3. Сосуд из комплекса кургана № 284 Тимерева курганного могильника

Для любого артефакта важен контекст, в котором он обнаружен. Аналоги вырванным из контекста сосудам с загнутым внутрь венчиком можно найти в материальной культуре племен тропической Африки и Папуа - Новой Гвинеи (прообразом там является, очевидно, усеченный плод кокосовой пальмы). Приземистая форма сосудов очень удобна в быту, а для миниатюрных сосудиков, изготовленных из одного куска глины, округлобочная форма с загнутым внутрь венчиком – самая распространенная.

Итак, *контекст*. В составе комплексов, в которых обнаружены данные сосуды, среди наиболее частых находок можно назвать костяные орнаментированные гребни, шипы, поясные наборы, гирьки, копоушки, привески-астргалы бобра, шкатулки, различные украшения, скандинавские фибулы, заклепки, импортную посуду и др. Особо следует отметить находки в комплексах с рассматриваемой керамикой кусков воска, лепешек из теста, нанизанных на железную проволоку, и глиняных лап и колец. Новые находки подтверждают наличие *сильной связи* глиняных лап и колец с *предметами погребального инвентаря* (помимо керамики), в т.ч. с предметами культа (например, железный обруч с миниатюрным молоточком Тора в кургане № 474 могильника) и *детальями погребальной обрядности* (например, каменное кольцо в кургане № 209) *скандинавского происхождения*. Сравнительный анализ комплексов с лапами из могильников на Аландских островах и в Ярославском Поволжье позволяет утверждать их тождественность [9, с.60-67]. Кроме того, в комплексах Ярославского Поволжья найдены лапы *специфически аландской* (по Э. Кивикоски) *формы* [9, с.63, рис.2:1]. Таким образом, есть основания предполагать прямое проникновение лап с Аландских островов в период активных и тесных связей Ярославского Поволжья с Фенноскандией, тем более что наличие выходцев с Аландских островов зафиксировано в материалах погребений совершенно определенно [10, с.87]. Глиняные лапы, являвшиеся отражением культа медведя у жителей Аландских островов, были восприняты населением Ярославского Поволжья (шире – Волго-Клязьминского междуречья), имевшим, очевидно, сходные культовые представления об этом животном, и, в свою очередь, дополнены местным элементом – глиняным кольцом, символизирующим, вероятно, подношение медведю. Среди рассматриваемой группы сосудов – уникальный экземпляр: сосудик с налепом на тулове в виде креста (курган № 430). Датируются сосуды этой группы IX - нач. XI вв.

Кроме Тимерева сосуды этого типа найдены в комплексах Михайловского и Петровского могильников Ярославского Поволжья [11, с.48].

Анализ процентного соотношения выделенных типов лепной керамики Тимерева археологического комплекса [12, с.141, рис.3] показал, что некоторые типы посуды представлены на поселении и в могильнике примерно в равной степени (типы 2, 3, 5 и 8), в то время как сосуды типа 9 (интересующие нас) и чашевидные, связанные, по нашему мнению, со скандинавским и прикаским, соответственно, этническими компонентами в составе населения Тимерева торгово-ремесленного поселения, «осели» в погребениях в значительно большем числе.

Итак, поиски аналогов выделенному типу сосудов, учитывая яркую скандинавскую «вуаль» комплексов, в которых они были обнаружены, привели нас в Швецию, где сосуды с загнутым венчиком, разнообразные по своим пропорциям, составляют, по свидетельству Д. Селлинг, большой процент керамики из памятников раннего средневековья (тип AIV: 3a1), при этом истоки данной формы прослежены и в более ранних материалах – т.н. кумфы позднеримского времени. Варианты сосудов типа 9 (по нашей классификации) соответствуют группе керамики местного производства (*einheimische Keramik*), найденной на территории Швеции (тип AIV). Эта группа местной керамики имеет наибольшее распространение в период с 4-й четв. IX столетия до 1000 года [13, с.166, 174, 226]. В Тимерева сосуды этого типа датируются тем же временем, что и в Швеции. Кроме Швеции аналогичные сосуды происходят из курганов на Аландских островах [14, с.108-112; 15; 16], с поселений Дании, Германии и др. [17, с.64-105, рис.66, 67, 69; 18, с.15; 19, с.120 и др.].

На территории Древней Руси этот тип посуды встречается достаточно редко. Из погребальных комплексов необходимо назвать **оятские курганы** Юго-Восточного Приладожья – комплекс кургана № 4 у д. Гайгово, датированный X - нач. XI вв. [20, с.199, рис.2:8; 21, с.26, рис.2:3].

Сосуд, аналогичный сосудам рассматриваемого типа, происходит из кургана № 5 могильника Плакун (IX-X вв.) в Старой Ладогe [22, с.167, рис.7:1].

В 1982 г. в личном письме А.М. Спиридонов сообщил мне, что при просмотре коллекций в ГИМе он «...случайно наткнулся на несколько сосудов того же типа – с загнутым внутрь венчиком. Откуда они – я посмотреть толком не успел, но 2-3 – из Смоленской губернии, кажется, раскопки Сергеева».

Лишь недавно в печати появилось первое изображение интересующих нас сосудов – сосуда из кургана № 77 Лесной группы (раскопки Д.А. Авдусина) **Гнездовского археологического комплекса**, сообщение о котором впервые прозвучало 20 лет назад на VIII скандинавской конференции [23, с.170-172]. Сосуд (*ребристый?* – В.С.), по мнению Е.В. Каменецкой, сделан скандинавским гончаром [24, с.129-130]. На рис. 4, где под № 1 воспроизведен сосуд из Гнездова, для сравнения даны сосуды из тимеревских курганов (№ 2-6) и из Приладожья (№ 7).

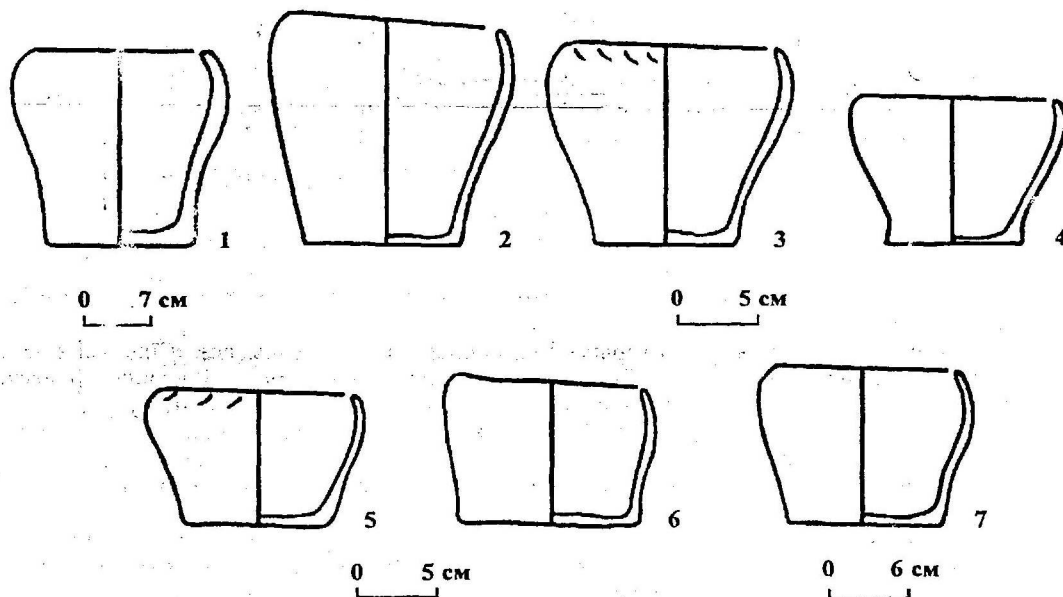

Рис. 4. Скандинавская глиняная посуда из погребальных комплексов Древней Руси: 1 – Гнездово; 2 - 6 – Тимерево; 7 – Юго - Восточное Приладожье

В литературе имеются сведения [25, с.142] о находках сосудов с загнутым внутрь венчиком при раскопках Е.И. Горюновой курганов **Переяславского Ополя** в 1960 г., которые, к сожалению, пока нами не проверены. Однако, учитывая известный материал из раскопок погребальных древностей микрорегиона, нахождение там скандинавской посуды вполне вероятно.

На синхронных Тимеревскому поселениям Древней Руси сосуды данного типа также представлены довольно редко. Лишь в полевом сезоне 1996 года «...впервые на **Городище (Рюриковом – В.С.)** обнаружен фрагмент скандинавского лепного сосуда» [26, с.54].

Аналогия из материалов **Сарского городища** [27, с.47, рис.10:4] уже отмечалась [8, с.197].

В **Ладогe** эта керамика представлена единичными экземплярами в древнейших слоях **Земляного городища** – в горизонтах ЕЗ-1 (1-я треть IX в.) и Е (2-я пол. IX в. - 1-я четв. X в.) и в слоях 1-й пол. и 3-й четв. X в. в раскопе на **Варяжском улице** [28, с.49].

Аналоги сосудам с загнутым внутрь венчиком, приводимые исследователями (Н.А. Макаров, Л.И. Смирнова, Н.Г. Самойлович, В.А. Лапшин, Т.Б. Сениченкова), представлены или *только фрагментами сосудов*, кстати, в большинстве случаев мискообразной формы с широко раскрытым устьем, – материалы Суздаля, Гнездиловского поселения, селища Шурскол II на оз. Неро, поселения Крутик [29, с.137, рис.1:6; 30, с.129, рис.2:6; 31, с.189, рис.4:28; 25, с.143, рис.6:1, 2 и др.], или *миниатюрными сосудами*: находки из Безводнинского могильника, Поповского городища и селища Шурскол II [32, с.218, рис.57:5, 6; 33, с.108, рис.1:1; 31, с.189, рис.4:10, 16]. Весьма отдаленным аналогом [28, с.50-51] представляется мне сосуд с городища **Гурья-кар** в бассейне р. Чепцы [34, с.21, рис.12:9].

Сосуды рассматриваемой формы в керамических комплексах памятников Древней Руси в целом немногочисленны. Встречены они, как было показано выше, в торгово-ремесленных, военно-административных центрах и в древнейших городах Руси, причем датируются они в основном X столетием – периодом, когда скандинавы стали проживать в означенных центрах постоянно, семьями.

Появившись в Ладоге в сер. - 2-й пол. VIII в., т.е. с самого начала становления торговых путей в Северной Руси, скандинавы на протяжении почти трех столетий принимали активное участие в международной торговле, постепенно проникая вглубь территории Руси вплоть до Волго-Окского междуречья, где их присутствие зафиксировано уже для начала IX в. [35, с. 141-150]. Увеличение торговой и политической активности скандинавов в IX в. засвидетельствовано письменными, археологическими и нумизматическими источниками, прежде всего в Ладоге. В горизонте Е1 (860-920 гг.) возрастает количество сосудов типа 6 (по классификации Т.Б. Сениченковой), отличительной особенностью которых является загнутый внутрь венчик [36]. Присутствие скандинавов отразилось в погребальном обряде, инвентаре, керамических комплексах могильников и поселений. С появлением выходцев из Фенноскандии расширяется ассортимент глиняных изделий – появляются диски от вертикального ткацкого станка и предметы культа – глиняные лапы. Основные типы граффити на восточных монетах представлены в материалах и Древней Руси, преимущественно из района Балтийско - Волжского пути, и Скандинавии, являясь показателями теснейших русско-скандинавских экономических и культурных связей. К числу важных показателей следует отнести и такой элемент скандинавской женской субкультуры как керамика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.
2. Пушклина Т.А. Скандинавские вещи из Гнездовского поселения // СА. 1981. № 3.
3. Седых В.Н. Керамика Тимеревского поселения // Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л., 1982.
4. Смирнова Л.И. Лепная керамика тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. 1987. № 2.
5. Тамсинский С.В. О двух типах построек Тимеревского селища // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
6. Седых В.Н. К характеристике лепной керамики Ярославского Поволжья // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985.
7. Седых В.Н. Керамическое производство Ярославского Поволжья IX-XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
8. Седых В.Н. Керамика Тимеревского поселения (предварительные сообщения) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
9. Седых В.Н. Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX-XI вв. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995.
10. Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2.
11. Седых В.Н. Скандинавская посуда в Древней Руси // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтению. СПб., 1998.
12. Седых В.Н. Керамическое производство Ярославского Поволжья IX-XIII вв. (некоторые итоги и перспективы исследований) // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 13. Мінск, 1998.
13. Selling D. Wikingzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.
14. Такман А. Археологические раскопки в Аландии летом 1901 г. // ИАК. № 38. СПб., 1901.
15. Kivikoski E. Kvambacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963.
16. Kivikoski E. Långängsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // SMYA. № 80. Helsingfors, 1980.
17. Madsen H.J. Keramik // Andersen H.H., Crabb P.J., Madsen H.J. Århus Sønder vold en byarkæologisk undersøgelse. København, 1971.
18. Knudsen V.M., Schiørring O. Fra grubchus til grillbar. Horsens i 1000 år. Horsens, 1992.
19. Meier D. Winning – eine wikingzeitliche Siedlung am Ufer der inneren Schlei // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster, 1998.
20. Спиридонов А.М. Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А.М. Линевского) // Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X - начала XIII вв. Петрозаводск, 1985.
21. Спиридонов А.М. Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья // КСИА. Вып. 187. 1986.
22. Назаренко В.А. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
23. Камеицкая Е.В. Керамика из скандинавских погребений Гнездова // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Ч. I. Петрозаводск, 1979.
24. Камеицкая Е.В. Керамика Гнездова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.
25. Макаров Н.А. Лепная керамика поселения Крутик // Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX-XII вв.). Петрозаводск, 1991.
26. Носов Е.Н., Янссон И. Раскопки на Рюрикском городище // АО – 1996. М., 1997.
27. Эдинг Д.Н. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928.
28. Сениченкова Т.Б. Об одном типе керамики из Старой Ладоги // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. Материалы к чтению. СПб., 1998.
29. Латиши В.А. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
30. Латиши В.А. Лепная керамика Гнездовского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
31. Ислюнова И.В. Селище Шурскел II близ Ростова Великого // СА. 1982. № 2.
32. Краснов Ю.А. Безводнирский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980.
33. Сачилович Н.Г. Керамика Поповского городища // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (Материалы работ Волго-Окской экспедиции). М., 1989.
34. Иванова М.Г. Городище Гурья-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982.
35. Леонтьев А.Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // Скандинавский сборник. № XXVI. Таллин, 1981.
36. Сениченкова Т.Б. Керамика Ладоги VIII - X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург